

742
1 r
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Дом Плеханова
№ 12706

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 9—10

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ

нет вл

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА—1926

Дом Плеханова
№ 159

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>А. Деборин.</i> —Энгельс и диалектика в биологии (продолжение)	5
<i>Г. Дмитриев.</i> —Философия Спинозы и диалектический материализм	26
<i>В. Асмус.</i> —Противоречия специализации в буржуазном сознании	43
—	
<i>Ф. Дучинский.</i> —Пауль Каммерер	76
<i>Вас. Сленков.</i> —Витализм, механизм и диалектика	89
<i>И. Куразов.</i> —Учение о доминанте в оценке диалектического материализма	108
—	
<i>Г. Зайдель.</i> —Вокруг Великой французской революции	139
<i>Ф. Капелюш.</i> —Новые «поправки» к историческому материализму	153
<i>Б. Быжовский.</i> —Генеономические воззрения Фрейда	178

Т р и б у н а .

<i>И. Орлов.</i> —Теория случайности и диалектика	195
---	-----

Б и б л и о г р а ф и я .

<i>Я. Розанов.</i> —К. Маркс и М. Бакунин	202
<i>Ник. Карев.</i> —Группа «Освобождение Труда», сб. 5	210
<i>И. Луппол.</i> —А. Варьяш. История новой философии, т. 1, ч. 2	214
<i>П. Ионов.</i> —Заметки о сочинениях Томаса Гоббса	220
<i>И. Буаев.</i> —Г. А. Гурев. Дарвинизм и марксизм	229
<i>В. Колоколкин.</i> —Е. Пашуканис. Общая теория права и марксизм	234
<i>В. Позняков.</i> —Ю. Борхардт. Накопление капитала	241

322, см. стр. 101, 119, 121, 122—125, 127, 137, 149, 182, 190, 277—279, 281—283, 287, 304—315. (Рец. см. В. Р. в жур. «Под Знаменем Марксизма» 1922. II. Стр. 129—130).

Карелин, А. Жизнь и деятельность М. Бакунина. М. 1919.

Лагардель, Г. Маркс и Бакунин. «Заветы». 1913. №№ 2 и 3.

Лебедев, Н. К. Маркс и Интернационал в период 1871—1872 гг.

См. Д. Гильом: К. Маркс и Интернационал. Изд. «Голос Труда». 1921. Стр. 96—129.

Малон, Б. Интернационал, его история и принципы. Перев. с французского, с предисловием. В. Поссе. СПб. 1907.

Мейер, А. Маркс и Бакунин. Сборник «Факелы». № 2. Стр. 87—135, П. 1907.

Неттлау, М. Жизнь и деятельность М. Бакунина. Изд. «Голос Труда». М.—П. 1902. Стр. 99.

Ралли, Замфир. М. А. Бакунин. «Минувшие Годы». 1908—X. Стр. 142—168.

Ралли, Замфир. Из моих воспоминаний о М. Бакунине. Исторический сборник «О минувшем». СПб. 1909. См. стр. 320—323.

Черкезов, В. Значение Бакунина в интернациональном революционном движении (напис. в 1915 г.). См. М. Бакунин. Избранные сочинения, т. I. Изд. 2-е. «Голос Труда». П.—М. 1922. Стр. 31—43.

Я. Розанов.

«Группа Освобождение Труда». Изд. Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова. Сборник № 5. ГИЗ. 1926 г., стр. 333.

Параллельно Ленинским сборникам сборники «Группа Освобождение Труда» представляют своего рода «Плехановские сборники», мимо которых, несомненно, не сможет пройти ни один историк революционного движения и марксизма в России.

Наибольший интерес в них, на ряду с различным материалом, касающимся других членов группы «Освобождение Труда», представляют черновики и неопубликованные статьи и письма самого Г. В.

В рецензируемом, пятом, сборнике прежде всего останавливают на себе внимание набросок предисловия Плеханова к готовившемуся в 1917 г. 5-му изданию «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и переписка с К. Каутским.

Опубликованная часть переписки относится к 1889—1898 г., набросок предисловия—к лету 1917.

Две различных эпохи—два Плеханова. Один—представитель левой II Интернационала, беспощадный враг Бернштейна, другой—законченный представитель и идеолог социал-шовинизма.

Ошибки и заблуждения крупного ума поучительнее жалкого лепета и эклектических блужданий различного рода рахитичных путаников. Последовательно доводя до логического конца свои мысли и стремясь дать целостную теорию своей политической практики, Плеханов не останавливается на полпути и дает вполне отчетливые, классические по своей ясности, формулировки там, где другие люди II Интернационала и теоретики социал-демократии, типа Каутского и Мартова, не говоря уже о всевозможных Данах и Абрамовичах, беспомощно вертелись вокруг-около, тщетно пытаясь угождать всем и соединять несоединимое.

В этом смысле изучение опубликованного наброска предисловия 1917 г. дает чрезвычайно много для понимания идеологии социал-шовинизма и того, как далеко отошли от Маркса в среде героев 4 августа—даже такие люди, как Плеханов.

К сожалению, редакция позволила себе в рукописи сделать целый ряд сокращений, «показавшихся» ей «необходимыми». Против подобного отношения к наследству классиков марксизма, даже там, где они расходи-

лись с ортодоксальной точкой зрения, следует решительно протестовать. Лучше вовсе не печатать ту или иную статью, нежели уродовать ее согласно капризу того или иного редактора или издателя.

Прежде всего бросается в глаза историческая рамка, в которую вводит Плеханов свои работы.

«Появление моей книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»,—пишет он,—было лишь одним из литературных этапов в истории старого спора о том: каково должно быть отношение мыслящих детей России к тому ходу общественного развития, который совершается на Западе» (стр. 6).

Книга, составившая эпоху в развитии русского марксизма и роста классового самосознания русского пролетариата,—только «один из литературных этапов в истории старого спора» славянофилов и западников—так оценивает свое произведение сам его творец через 20 с лишним лет после его написания! Не слишком ли низкая оценка? Верна ли она?

Доля истины в ней есть. Плеханов в истории русской общественной мысли и истории русской интеллигенции был несомненным преемником и завершителем деятельности Белинского, Герцена и Чернышевского. Но доля истины не есть еще вся истина. В тот период, когда гисалось «К вопросу», Плеханов был не только «одним из участников старого спора», но и вождем партии, вождем нового исторического класса, невиданного еще доселе на сцене русской истории.

«К вопросу» было не только «литературным этапом», но и политическим манифестом. В этом заключалась его действительная роль в истории русского марксизма. Как характерно, что именно эту сторону дела оставляет в тени Плеханов, превратившись из революционного с.-д. в шовиниста.

Ослабляя классовое, революционное значение «К вопросу», Плеханов преследовал определенную политическую цель. Острие «К вопросу» было направлено против народничества. Можно сказать, что эта книга была смертельным приговором для народнической теории. Так было в 1894 г. В 1917 г. Плеханов выступил в качестве ближайшего союзника и единомышленника Авксентьевых и Керенских. И он пытается теоретически оправдать свой союз. Он сводит спор с народничеством исключительно к спору о том, может ли миновать Россия фазу капитализма. Поскольку же этот спор решен тем фактом, что капитализм у нас развился, Плеханов строит мост для объединения марксизма и народничества на почве «защиты экономических и политических интересов трудящегося населения, как определились они в нынешней России».

«Правда,—пишет он,—если коренной вопрос о том, может ли Россия миновать фазу капитализма, уже решен объективной логикой истории, то остается еще много второстепенных вопросов, из-за которых возможны и даже неизбежны споры между марксистами и народниками. Но публицисты обоих лагерей должны понимать, что первостепенного значения вопросы эти иметь не могут и что нерасчетливо было бы из-за них оставлять без внимания общую задачу, роднящую между собой оба направления» (стр. 7).

Этих строк нельзя простить в особенности Плеханову, так блестяще доказывавшему до 1914 г. непримиримость марксизма, как целостного мировоззрения, ни с чем другим. Вместе с тем эти строки показывают, как далеко можно зайти в поисках оправдания своим политическим ошибкам и как неумолима логика этих ошибок.

Оправдав союз с с.-р., Плеханов переходит далее к обоснованию теории примирения классовых противоречий.

Классовая борьба обыкновенно служит источником общественного прогресса. В чем же заключается этот прогресс?

«В том, что угнетенный класс, так или иначе, с той или с другой стороны улучшает свое положение или хотя бы только обеспечивает себе возможность улучшить его со временем» (стр. 12), отвечает Плеханов. Ответ по меньшей мере расплывчатый. По Марксу общественный прогресс заключается в развитии производительных сил человеческого общества, повышающих уровень его богатства, в развитии и обобществлении орудий производства и производительной силы человеческого труда, в переходе к высшей общественной экономической формации. Конечно, не человек для суббота, а суббота для человека, не человек для орудий производства, а орудия производства для общественного человека, но именно развитие и обобществление орудий производства есть то, что образует и освобождает человека от гнета природы и «нечеловеческих» общественных отношений. Именно в развитии орудий производства общественный человек имеет меру своей свободы и своей силы. У Плеханова этот производственный и вместе с тем революционный момент в определении процесса затушевывается, на первый план выдвигается узко-потребительская точка зрения.

А вот и вывод отсюда.

«Стало быть все дело в интересе угнетенного класса. Кто умеет пользоваться марксовым методом для решения тактических вопросов, тот не позабудет об этом, когда интерес эксплуатируемого класса, ведущего борьбу с классом эксплуатирующим, потребует временного ослабления этой борьбы, например, для того, чтобы дать отпор третьему общественному классу, пытающемуся наложить свое иго не только на эксплуатируемых, но и на непосредственных эксплуататоров, — тогда человек понимающий скажет: классовая борьба должна быть ослаблена в данном случае, с данной целью, в данных пределах» (стр. 12).

Итак, угнетенный класс должен защищать не только самого себя, но и своих непосредственных угнетателей от ига «третьей силы», ослабляя с этой целью классовую борьбу с «непосредственными» эксплуататорами. На деле это значит сеять иллюзии в среде своего класса насчет «прогрессивности» и «миролюбия» этих эксплуататоров.

Тщетно обращается при этом Плеханов к диалектике для того, чтобы доказать благотворность империалистической войны. «Диалектика не знает абсолютных решений». Верно. «Надобно знать, о какой войне идет речь, — все зависит от обстоятельств времени и места». Тоже верно. «Истина — конкретна». Абсолютно правильно. Но конкретный-то анализ должен показать не то, какое значение имеет данная война вообще, а вскрыть ее классовый характер, ее экономический смысл, ее роль для успеха международного рабочего движения, представляющего высшую цель. Такой анализ должен был бы показать Плеханову, если бы он оставался еще в это время последовательным марксистом, что диалектика не годится в обоснование оппортунизма, что «благотворной» в наше время для дела пролетариата может быть лишь революционная война пробуждающихся угнетенных классов и наций против угнетателей.

В «предисловии» Плеханов сочиняет целую теорию для оправдания и своему поведению в отношении войны 1914 г. Есть, утверждает он, «и такая сторона, где антагонизм классовых интересов уступает место их солидарности» (стр. 15).

Рабочие каждой страны заинтересованы в возможно более быстром росте отечественного капитала. «Из этого следует, что все, задерживающее быстрый рост капитала, вредит не только интересам капиталистов, но также и интересам рабочих. Стало быть, не одни капиталисты, но и рабочие заинтересованы в устранении того, что задерживает быстрый рост капитала. Стало быть, в деле такого устранения интересы рабочих совпадают с интересами капиталистов. Чем же задерживается рост капитала? Во-первых, его может задержать существование в данной капиталистической стране отсталых политических учреждений. Поэтому в их устранении заинтересованы не только капиталисты, но и рабочие. Этого не понимали истинные немецкие социалисты 40-х годов прошлого века, за что и подверглись жестокому осмеянию в «Манифесте Коммунистической Партии». Но иногда быстрый рост капитала задерживается в данной стране конкуренцией других капиталистических стран. Устранение этой конкуренции тоже лежит в интересах не только предпринимателей, но и рабочих». «Выходит, что для рабочего класса данной страны вовсе не безразлично, приобретает ли она новые колонии, заключает ли она выгодные договоры и т. д.... Все это совершенно понятно с точки зрения теории Маркса...» (многоочие здесь указывает на упоминавшиеся уже нами сокращения редакции в тексте Плеханова. Н. К.) (стр. 16).

Такова теория. Большого падения для революционного марксиста трудно себе представить. Ценно лишь то, что Плеханов доводит здесь до классически ясных выводов то, что его эпигоны несвязно и жалко бормотали, не решаясь быть последовательными.

Плеханов не замечает, насколько эта теория оправдания социал-патриотизма противоречит его же собственным словам в том же предисловии о том, что «исключительные эгоистические интересы отдельных стран» следует подчинять более глубокому интересу международного пролетариата. Он игнорирует то обстоятельство, что поддержка империалистической войны была глубоко вредной и даже для частных интересов рабочего класса каждой отдельной страны.

С невеселым чувством перечитываешь «предисловие». Ошибки и положения, развивавшиеся Плехановым в защиту своей шовинистической позиции во время войны, сведены здесь воедино и дают цельный образ законченной теоретической ревизии Маркса, разрыва в предисловии 1917 г. с тем, что составляло живую душу книги 1894 г. Не забыты даже знаменитые «простые законы права и нравственности» (стр. 10). Исторически счастьем для Плеханова, как пролетарского вождя и идеолога, является то, что в этот период жизни он не пользовался уже в русском рабочем движении тем влиянием, каким пользовался более десяти лет назад: для истории революции Плеханов 1917 г. весит в десятки раз меньше старого Плеханова.

Пусть же изучение его заблуждений поможет пролетариату избежать их повторения и ускорить окончательное закрепление международного рабочего движения на более высокой, ленинской ступени развития.

По сравнению с Плехановым 1917 г. Плеханов 90-х годов производит резко противоположное впечатление. В переписке с Каутским—он во всем своем блеске.

Наоборот, Каутский уже тогда обнаруживал, как показывают эти письма, зачатки того, что ныне поставило его по ту сторону фронта. Речь идет об отношении к ревизионизму вообще и к Бернштейну в частности. Каутский стремился возможно долее уклоняться от прямого выступления против Бернштейна (226). Это сочеталось у него одновременно

с более чем прохладным отношением к философии марксизма. Сюда относится печально-знаменитое место из письма к Плеханову от 22/V—1898 г.:

«Во всяком случае, я должен открыто заявить, что неокантианство меня смущает меньше всего. Я никогда не был силен в философии и, хотя я и стою целиком на точке зрения диалектического материализма, все-таки я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантианством; ведь и дарвинизм так же хорошо уживается с материализмом Бюхнера, как с монизмом Геккеля и кантианством Ланге» (стр. 227), на которое Плеханов в ответном письме замечает: «Философия—не безразличная вещь. «Каков человек, такова и философия», сказал Фихте. Бернштейн возвращается назад к Канту; в то же самое время он уходит от социализма» (стр. 228).

Только материалистическая диалектика дает достаточную силу отрицания для разоблачения всех фетишей и иллюзий капиталистической действительности. Не случайно поэтому все ревизионисты отличались терпимостью, равной беспринципности в философии, и не случайно, что почти все крупнейшие представители подлинно ортодоксального марксизма были ее оруженосцами.

Еще раз рекомендуем «Сборники» вниманию наших читателей. Издаются сборники вполне удовлетворительно.

Ник. Карев.

А. ВАРЬЯШ. История новой философии. Том первый, часть II. Системы эмпиризма, материализма и сенсуализма. Гос. Издат. Лнгрд. 1926 г. 242 стр.

В Германии ежегодно выбрасывается на книжный рынок никак не меньше десятка учебников и курсов по истории философии. Получше или похуже, поподробнее или покороче,—все они не способны вызвать у марксиста ничего, кроме глубокого равнодушия, ибо все они, можно сказать заранее, принадлежат перу историков-идеалистов если не того, так другого направления. Десять бледных учебников встретят десятидесять бледных рецензий, и на этом «кругооборот» закончится: как учебник, так и рецензии сделаются достоянием еще десятка скрупулезных библиографических справочников, и только студенты будут принуждены сдавать свои зачеты по курсу своего профессора.

У нас—дело иное. Мы не избалованы сводной историко-философской литературой, хотя нужда в ней большая. Редкая у нас книга по истории философии не может не привлечь к себе внимания интересующихся, не может не возбудить живой реакции. А если автор такой книги и в предисловии, и во введении с первых же строк отрекомендовывает себя диалектическим материалистом с двадцатилетним стажем, то интерес, по вполне понятным причинам, еще усугубляется.

Именно так обстоит дело с рассчитанной на 140 печатных листов «Историей новой философии» А. Варьяша. К сожалению, первая часть первого тома не оправдала возлагавшихся некоторыми на эту работу надежд. В оценке ее нельзя не присоединиться к отзыву т. В. Асмуса¹⁾.

Следом за первой частью вышла вторая часть первого тома (системы эмпиризма, материализма и сенсуализма). Представляет ли последняя что-либо новое по сравнению с неудачной первой частью?—И да, и нет.

¹⁾ «Под Знаменем Марксизма» № 7—8: «Спорные вопросы истории философии».